

А. В. Севастьянов

**Основные направления крымоведческих исследований
Государственной Академии истории материальной культуры
(20-е гг. XX в.)**

В статье на основе анализа массива научных публикаций сотрудников Государственной академии истории материальной культуры воссоздается активный исследовательский процесс изучения истории материальной культуры и охраны памятников в Крымской АССР в 20-х гг. XX в. Представляется оценка научного наследия А. С. Башкирова, Г. А. Бонч-Осмоловского, И. Н. Бороздина, К. Э. Гриневича, Ю. Ю. Марти.

Ключевые слова: Государственная академия истории материальной культуры, археология, памятники, А. С. Башкиров, Г. А. Бонч-Осмоловский, И. Н. Бороздин, К. Э. Гриневич, Ю. Ю. Марти

Исследование прошлого человечества по остаткам материальной культуры и памятникоохранительные работы были одним из приоритетных направлений в области научного изучения Крыма в досоветский период. Работа членов императорской Археологической Комиссии, Русского археологического общества, Московского археологического общества, Одесского общества истории и древностей, Таврической ученой архивной комиссии позволила Крыму стать лидером по числу находок памятников старины и ценных археологических источников, необходимых для реконструкции древнего периода истории Юга Российской империи [1, с. 94-126].

Слом старых форм организации науки после 1917 г. затронул и археологическую сферу. 18 апреля 1919 г. В. И. Лениным был подписан декрет СНК РСФСР «Об учреждении Российской академии истории материальной культуры» (РАИМК, после 1925 г. приобрела всесоюзный статус и сменила название на Государственную академию истории материальной культуры – ГАИМК). Данное учреждение имело своей целью обеспечить единое научное и методическое руководство процессом изучения древностей на территории

страны. Задачи и цели нового учреждения полностью совпадали с прежними приоритетами в работе императорской Археологической комиссии. Однако государственный статус созданной академии предполагал выделение средств на финансирование раскопок, камеральных исследований, публикации отчетов, материалов экспедиций, научных трудов членов и сотрудников учреждения. Более того, РАИМК/ГАИМК полностью сосредоточила в своих руках управление разноплановыми археологическими исследованиями, работа экспедиций зависела от наличия «открытого листа» унифицированного образца, что, в свою очередь, позволяло контролировать и корректировать при необходимости ход работ. «Открытые листы» выдавались Главнаукой Наркомпроса РСФСР, однако их получение было невозможным без согласования с ГАИМК. Основное сотрудничество в регионах РАИМК/ГАИМК осуществляла с местными музеями – археологического либо краеведческого профиля. Это объяснялось отсутствием иной корреспондентской базы: только в музеях, работавших в досоветское время либо созданных в период 1918–1921 гг., были сосредоточены необходимые квалифицированные кадры, наличие же опыта раскопок делало подвижников музейного дела единственными возможными организаторами практической работы по охране и изучению древностей [2, с. 219-225; 3, с. 125-150; 4, с. 157-174]. При анализе источниковой базы данного сотрудничества информативностью и системностью выделяются документы Рукописного отдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН НА РО, г. Санкт-Петербург). Фонды архива содержат материалы, касающиеся организации, проведения и результатов археологических исследований на территории Крыма. Результатом концентрации текущей переписки, учетной, отчетной и плановой документации стало образование единого масштабного архивного фонда (ф. 2, «Государственная академия истории материальной культуры»), где отложился значительный корпус документов о деятельности членов ГАИМК, в частности, исследований, проводившихся по заданию и разрешению Академии в Крыму.

С начала 20-х гг. XX в. наблюдалось оживление интереса к памятникам Крыма со стороны сотрудников РАИМК/ГАИМК. Наиболее активно исследования памятников разных эпох, народов и культур проводили представители столичных научных центров (г. Москвы и Ленинграда): профессор МГУ А. С. Башкиров, преподаватель ЛГУ, научный сотрудник Государственного Русского музея Г. А. Бонч-Осмоловский, один из руководителей Всесоюзной научной ассоциации востоковедения при ЦИК СССР И. Н. Бороздин, профессор ЛГУ, директор Государственного Херсонесского историко-археологического музея в Севастополе К. Э. Гриневиц, доцент МГУ Б. С. Жуков. Партнерами, конкурентами, а иногда и их соперниками были сотрудники крымских музеев – директор Керченского историко-археологического музея Ю. Ю. Марти, заведующий Ялтинским музеем краеведения Г. Я. Россилевич, заведующая Евпаторийским археолого-этнографическим музеем П. Я. Чепурина, руководитель археологического отдела ЦМТ, профессор Н. Л. Эрнст.

Вышеизложенные обстоятельства объясняют *актуальность* рассмотрения деятельности сотрудников ГАИМК в исследовании крымских древностей и создании системы охраны исторических памятников региона. Ключевой *задачей* данной работы является анализ научного наследия членов организации, выявление основных направлений исследовательского поиска ученых, определение влияния некоторых концепций и дискуссий вокруг отдельных тем исследований на дальнейшее развитие исторических и археологических штудий в контексте крымоведения.

Целью данной публикации является обзор, анализ и систематизация массива научного наследия сотрудников ГАИМК по вопросам изучения истории материальной культуры и охраны памятников в Крыму на основе архивных и малоизвестных опубликованных источников. Этот процесс проходил по четырем основным направлениям: первобытная археология, изучение античных памятников Херсонеса и Керченского полуострова, раскопки мусульманских памятников Солхата и Бахчисарая, исследование

материальных остатков пребывания в Крыму генуэзских колонистов в средневековый период.

В 1923–1924 гг., по поручению Этнографического отдела Русского музея (г. Ленинград), раскопки стоянок периода древнего и среднего палеолита проводил научный сотрудник этого учреждения, старший научный сотрудник ГАИМК Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский (1890–1943). Их результаты представлены им в отчетах, поданных в академию, и в итоговой публикации очерка «Доисторические культуры Крыма» [5–7]. Кратко осветив роль предшествовавших исследователей в изучении пребывания первобытного человека в Крыму (Н. И. Дубровский, П. П. Ефименко, С. И. Забнин, Н. Н. Клепинин, К. С. Мережковский, А. С. Моисеев, Н. И. Репников), автор очерка остановился на составе своей экспедиции. В ней принимали участие выдающийся крымовец, профессор Крымского университета Н. Л. Эрнст (1889–1956), член ТУАК и ТОИАиЭ, археолог-любитель С. И. Забнин, студенты ленинградских и симферопольских вузов. В 1923 г. тщательному исследованию в крымских предгорьях подверглась пещера Кош-Коба. В ней удалось найти остатки ископаемых костей животных, не прямые следы пребывания первобытного человека. На следующий год исследование проходило уже в 14 пещерах в районе между Бахчисараем и Инкерманом. Ценный материал по эпохе верхнего палеолита удалось выявить только в одной из них – в Сюреньской пещере [7, с. 74-76]. Тогда же, при завершении экспедиции, в районе, не предполагавшемся к изучению, случайно были сделаны «совершенно исключительные по своему значению» находки в гроте Киик-Коба в предгорной части Крыма. В слое четвертичного периода вместе с костями животных, кремневыми орудиями найдены два человеческих костяка – ребенка и взрослого - в самом нижнем геологическом слое. Остатки человеческих костей расположены в специальном углублении грота, что говорило об осознанности погребения. В нетронутom положении остались только кости обеих стоп и правой голени взрослого, остальные кости были выброшены из могилы поздними жителями грота [6, л. 9 об.].

Ввиду крайней важности находок в Киик-Кобе, в 1925 году экспедиция продолжила свою работу на средства Русского музея, Главнауки и КрымОХРИСа в том же составе. При дальнейшем вскрытии грунта в пещере были обнаружены масса кремневых орудий, костей животных, несколько костных фаланг руки взрослого человека, практически неповрежденные [8, л. 17-18].

Кроме публикации отчета экспедиции, Г. А. Бонч-Осмоловский сформулировал в очерке оригинальную концепцию классификации археологических культур древнего Крыма. Значительное место в ней автор уделял анализу собственных находок в Киик-Кобе. Анализировалась местность, стратиграфия геологических слоев, строение очагов и каменных орудий [7, с. 79-84]. Отдельному описанию подверглись найденные человеческие кости, констатировалось отсутствие ключевого элемента в исследовании останков первобытного человека – черепа, позволяющего точно датировать находки по антропологическим данным. Отдельно характеризовалась могила, специально выдолбленная в скальной породе грота для погребения. Все объективные данные захоронения позволили Г. А. Бонч-Осмоловскому отнести его к эпохе древнего палеолита, времени существования людей неандертальского типа (в современной археологической науке произошла коррекция терминов – время жизни неандертальцев выделяют в отдельную эпоху – мустье, которая также называется средним палеолитом). Исследователь сформулировал особо ценное научное значение открытия: впервые стопы человека-неандертальца были найдены в целом виде; погребение было совершено специально в гроте, следовательно, это указывало на наличие у древнейших обитателей Крыма примитивных сакральных представлений о загробной жизни. Наиболее важным результатом экспедиции стало выявление первых на тот момент человеческих останков эпохи древнего палеолита на территории СССР [8, л. 17-18].

Также Г. А. Бонч-Осмоловский в очерке охарактеризовал памятники эпохи верхнего палеолита, основываясь на исследованиях К. С. Мережковского второй половины XIX в. и современных на тот период работах П. П. Ефименко.

Краткий очерк был посвящен и «веку металлов» (раннему железному веку), в основе его содержания лежал обзор находок предметов кизил-кобинской культуры, совершенных совместно с Н. Л. Эрнстом при раскопках в селении Нейзац, в кизил-кобинском и кош-кобском поселениях [7, с. 87-94].

В общем выводе Г. А. Бонч-Осмоловский констатировал наличие в Крыму памятников эпох древнего палеолита, ориньякского периода верхнего палеолита, культур конца бронзового и раннего железного века [7, с. 94]. В дальнейшем ученый значительно дополнил свои исследования в вопросе древнейшего прошлого Крыма по антропологическим и археологическим источникам, которые нашли отражение в классической монографии «Палеолит Крыма» [9], публикация которой была завершена уже после смерти ученого. Значение исследований и открытий Г. А. Бонч-Осмоловского в полной мере были оценены в процессе дальнейшего развития штудий в области палеолита. Исследователи биографии и научной деятельности выдающегося археолога (В. В. Бунак, С. Н. Бибиков, С. В. Смирнов, Г. П. Григорьев, С. А. Васильев, Н. И. Платонова) отмечали однозначную прогрессивность выводов Г. А. Бонч-Осмоловского для развития археологической науки в целом и эволюционного направления в антропологии в частности. Редактор посмертно изданной третьей части монографии «Палеолит Крыма», первый биограф Г. А. Бонч-Осмоловского, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова В. В. Бунак (1891-1979) подчеркивал, что Г. А. Бонч-Осмоловский, стремясь наметить общую картину эволюции древних палеолитических орудий, благодаря исследованиям крымских памятников, особое внимание уделял способам изготовления и функциям каменных орудий в жизни людей, сформулировал общую концепцию грота как основного и естественного местопребывания коллективов первобытных людей. Дискуссионными, по мнению В. В. Бунака, являлись предположения Г. А. Бонч-Осмоловского относительно развития кисти руки и стопы древнего человека, что отражало уровень его эволюции от высших приматов. Однако данная дискуссионность выводов могла быть отнесена на счет ограниченности средств и материалов, имевшихся в распоряжении

Г. А. Бонч-Осмоловского при проведении исследований и формулировании выводов [10, с. 391-393]. Доктор исторических наук, член-корреспондент Академии наук УССР С. Н. Бибилов (1908–1988) обращал внимание на полемичность многих положений работ Г. А. Бонч-Осмоловского, прежде всего касавшихся принципов датировки находок в Киик-Кобе, которые имели исключительное значение при оценке места данного памятника в древнейшей истории. Оценивая общее значение работ Г. А. Бонч-Осмоловского, С. Н. Бибилов отмечал значение комплексности исследований ученого, неразрывность археологического контекста с биологическими условиями существования древнего человека, влиянием природного фактора на развитие предков современных людей. Также С. Н. Бибилов проследил судьбу основных положений концепции Г. А. Бонч-Осмоловского в развитии истории науки о древнейшем прошлом человечества. Основной ревизии подверглась датировка найденных в Киик-Кобе останков человека – с периода древнего палеолита данные кости были переведены в период среднего палеолита (эпохи мустье), а останки человека – окончательно отнесены к неандертальскому антропологическому виду. Коррекцию подвергся и вывод ученого о слабом развитии охоты среди жителей Киик-Кобы, который был сделан на основании количественного соотношения костей ископаемых животных в нижнем и верхнем слоях грота. Данные поправки, по мнению С. Н. Бибилова, не меняли главного существа открытия в Киик-Кобе, определенные же неточности, потребовавшие корректировки в дальнейшем, исследователь относил на излишнюю увлеченность Г. А. Бонч-Осмоловского (которую отмечали и его сотрудники-современники) общеэволюционными теоретическими построениями [11, с. 279-281]. Подводя итоги, можно сделать вывод о значительности открытия Г. А. Бонч-Осмоловского в контексте комплексных исторических исследований, которые включали в себя скрупулезные археологические, антропологические, геологические, биологические штудии и привели к созданию оригинальной концепции организации жизни первобытных

людей, основные положения которой остаются актуальными и в современных условиях развития исторической науки.

Организатором постоянных комплексных исследований памятников античного и средневекового времени в Севастополе был директор раскопок в Херсонесе, профессор Константин Эдуардович Гриневич (1891–1971). В информационной заметке «Возобновление раскопок в Херсонесе Таврическом (Корсуни – наших древних летописей)», опубликованной в 1926 году, ученый представлял сжатую картину истории древнего города, рассказывал о последовательности его научного изучения с конца XIX в. и до начала Первой мировой войны в 1914 г. К. Э. Гриневич информировал о возобновлении раскопок в совершенно неизученном участке городища – в районе т. н. «Башни Зенона», содержащего слои, насыщенные богатыми археологическими памятниками [12].

В 1926 г. экспедиция под руководством К. Э. Гриневича начала исследования по подтверждению или опровержению предварительных сведений экспедиции 1909–1910 гг. в под руководством Р. Х. Лепера о существовании поселения VII–VI вв. до н. э. на территории Гераклеяского полуострова, в районе «Базилики Св. Лаврентия», то есть в центре южной части городища [13]. Согласно стратиграфическому исследованию, возможным представлялось выделить 4 геологических слоя: 1-й – содержал предметы XV–XIX вв.; 2-й относился к X–XI вв.; 3-й – к позднеэллинистическому времени (рубеж эр); 4-й – к IV–II вв. до н. э. [13, л. 1–1 об.]. Автор также дал отдельную характеристику каждому из 6 строительных периодов, в разное время присутствовавших на данной территории: они начинались с III в. до н.э. и сменяли друг друга до конца XIII в., когда средневековый город был окончательно разрушен монголами [13, л. 1 об. – 2 об.]. Главными выводами из раскопок К. Э. Гриневича подтвердили версии К. К. Косцюшко-Валюжинича о существовании на исследуемой территории в X–XII вв. монастыря и опровергли гипотезы Р. Х. Лепера о существовании эллинского поселения на

Гераклейском полуострове в VII–VI вв. до н. э. – оно было основано не ранее III века до н. э., скорее всего, самими жителями Херсонеса [13, л. 3 об.–5].

Продолжением исследований древностей неизученных районов Херсонеса Таврического были раскопки 1927–1928 гг. Отчеты этих экспедиций под руководством К. Э. Гриневича, отложившиеся в фондах Научного архива ИИМК РАН, показывают комплексность задач, сформулированных в начале раскопок [14; 15]. В 1928 г. объектом работ стали остатки масштабного многоуровневого здания, содержавшего 4 культурных слоя (от V в. до н. э. до находок времен Крымской войны 1853–1856 гг.), находившегося на территории бывшего «хутора Бермана», в античное и средневековое время не входившей в городскую черту [15, л. 17–25]. Параллельно К. Э. Гриневич руководил обследованием оборонительных сооружений Херсонеса римского периода (первые века нашей эры), используя при этом материалы работ А. Л. Бертье-Делагарда, как первого серьезного их исследователя [15, л. 27–32]. Последующие исследователи Херсонеса (В. И. Кадеев, В. М. Зубарь, С. Б. Сорочан), проводившие археологические исследования античных и средневековых памятников городища, а также предпринявшие попытки создания очерков истории изучения одного из крупнейших археологических памятников Крыма, отмечали ключевую роль К. Э. Гриневича в возобновлении систематических научных исследований на территории Херсонеса, что позволило создать на территории СССР эталонный памятник греко-римского и византийского периодов. Кроме того, в историографии отдельно подчеркивается исключительная роль К. Э. Гриневича в становлении музея на территории городища, как специализированного профессионального научного учреждения, которое выполняло не только экспозиционную функцию, но и проявило себя как самостоятельный научно-исследовательский центр. Авторы исследований также соглашались с выводами К. Э. Гриневича, которые он сформулировал относительно предназначения и роли объектов раскопок под его руководством во второй половине 20-х гг. XX вв., эти данные заняли

прочное место в реконструкции истории древнего города и не были опровергнуты или подвержены сомнению [16; 17].

История начала изучения городищ Керченского района в 1927 г. содержится в очерке директора Керченского историко-археологического музея Юлия Юльевича Марти (1874–1959) «Раскопки Керченской экспедиции 1928 года: Предварительное сообщение», написанного на основании отчета, поданного исследователем в ГАИМК, текст которого сохранился в фондах Рукописного отдела Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук [18; 19]. Из группы городищ на бывшей территории европейской части Боспорского царства на Керченском полуострове исследователем выделен Китей. В своем отчете–очерке Ю. Ю. Марти остановился на общей характеристике состояния городища до начала обследования, представил археологический план Китея, уточнил локализацию городища, основываясь на критике сообщений античных авторов и иностранных путешественников конца XVIII – первой половины XIX в. [19, л. 6-7]. Далее ученый подробно описал ход раскопок оборонительных сооружений в 1928 г., позволивший определить время жизни на городище в античную и раннесредневековую эпохи – с V в. до н. э. по V–VI вв. н. э. [19, л. 8-9]. Интересные детали совмещения греческих и варварских (скифо-сарматских) форм погребального обряда представлены в разделе отчета, касавшегося характеристики погребений некрополя Китея [19, л. 9-11]. Также Ю. Ю. Марти в своем очерке опубликовал описание ценной находки из экспедиционных раскопок на горе Митридат в 1928 г. – сохранившийся деревянный детский саркофаг, предположительно созданный в I в. н. э. [19, л. 11-13].

Материалом для организации штудий, посвященных археологическому изучению мусульманских памятников средневековых городов Крыма – Солхата и Бахчисарая - стали результаты экспедиции, организованной Совнаркомом и ЦИКом Крымской АССР в 1925–1926 гг. Ее возглавил профессор Илья Николаевич Бороздин (1883–1959). Отчеты экспедиции составил профессор

Алексей Степанович Башкиров (1885–1963) [20, 21]. В экспедиции принимали участие заведующий художественным отделом ЦМТ, профессор П. И. Голландский (1865–1939) и преподаватель Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе О.-Н. А. Акчокраклы (1879–1938), помощь в проведении экспедиции оказывал Государственный дворец-музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае. Интересы исследователей, согласно отчетам А. С. Башкирова, были сосредоточены на исследовании памятников архитектуры древней столицы крымских татар – Солхата (Старого Крыма). Одним из главных выводов экспедиции стала концепция о значительном влиянии на архитектуру крымских татар в XIV–XVI вв. сельджукского компонента из Малой Азии. А. С. Башкиров выделял это влияние как в памятниках монументального зодчества, так и в деталях декоративной орнаментальной резьбы на каменных сооружениях [20, л. 2-3]. В качестве примера для подтверждения гипотезы приводилось подробное описание солхатской медресе-мечети «времен хана Узбека», датированной 1314 г. Она представляла собой два, тесно связанных между собой, но самостоятельных по назначению, сооружения. Оба имели квадратную форму, помещение мечети в 4 раза превосходило по площади медресе. Мечеть была построена в характерной для сельджукизма манере трехнефного комплекса, с входом в северной стене, михрабом (молитвенной нишей) – в южной, перекрытым плоским потолком. А. С. Башкиров проводил аналогии солхатской мечети Узбека с другими памятниками сельджукской архитектуры Малой Азии и останавливался на общих чертах орнаментации этих памятников [20, л. 4-6]. В заключение, ученый сформулировал основные сходные черты техники строительства солхатской медресе-мечети и сельджукских памятников: использование белого зернистого известняка, как в кладке стен, так и в орнаментации деталей; техника кладки стен массивными блоками (квадрами); полное сходство в проектировании и орнаментации порталов, михраба мечети и надгробий на ее территории [20, л. 11-13].

В отчете 1926 г. А. С. Башкиров предпринял попытку реконструкции первоначального облика исследованного медресе-мечети и привел еще один пример сельджукского влияния в архитектуре – мечеть Куршум-Джами в Старом Крыму, сохранявшую основные архитектурные черты сельджукизма, и, вместе с тем, отличавшуюся планировкой от медресе-мечети Узбека [21, л. 27-31]. Значительная часть материалов была посвящена обзору массива солхатских и бахчисарайских надгробий, исследованных экспедицией. Благодаря характерному орнаменту сельджукского происхождения, А. С. Башкиров датировал 10 надгробий XIV–XV вв. [21, л. 42-59].

Таким образом, в течение 1923–1928 гг. сотрудники ГАИМК в рамках экспедиций, организованных центральными государственными памятникоохранительными учреждениями совершили ряд археологических исследований и открытий, позволивших сформулировать значимые концепции в области первобытной, античной и средневековой археологии Крыма. Результаты некоторых полевых исследований предопределили пути развития отдельных отраслей советской археологической науки на последующие десятилетия, дали необходимые материалы для создания широких теоретических выводов. Документальные материалы экспедиций А. С. Башкирова, Г. А. Бонч-Осмоловского, И. Н. Бороздина, К. Э. Гриневича, Ю. Ю. Марти, способствовали становлению советской археологической науки, создавали историографическую основу для последующих исследователей. Однако, в условиях гонений на академическую науку в 30-х гг. XX в., репрессий против ученых (им подверглись А. С. Башкиров, Г. А. Бонч-Осмоловский, И. Н. Бороздин, К. Э. Гриневич) наследие исследователей на долгое время – от одного десятилетия до нескольких – оставалось не востребованным, либо использовалось неполно, а порой и в искаженном виде. Несмотря на это, результаты археологических и памятниковедческих экспедиций под руководством сотрудников ГАИМК в Крыму в 20-е гг. XX в. сыграли значительную роль в дальнейшем развитии археологических исследований в Крыму.

Источники и литература

1. Непомнящий А. А. Историчне кримознавство (кінець XVIII – початок XX століття) : біобібліографічне дослідження / А. А. Непомнящий / Таврійський нац. ун-т ім. В. І. Вернадського. – Сімферополь : Бізнес-Інформ, 2003. – 456 с.
2. Платонова Н. И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX – первая треть XX века / Н. И. Платонова / РАН ; Ин-т истории материальной культуры. – СПб. : Нестор-История, 2010. – 316 с.
3. Непомнящий А. А. Профессор Николай Эрнст : страницы истории крымского краеведения / А. А. Непомнящий / Таврический нац. ун-т им. В. И. Вернадского. – К. : Стилос, 2012. – 464 с. – (Серия : Биобиблиография кримоведения ; вып. 15).
4. Севастьянов А. В. Десять лет на службе краеведения : Российское общество по изучению Крыма (1922–1932) / А. В. Севастьянов; под ред. А. А. Непомнящего / НАН Украины, УТОПИК; Центр памятниковедения. – К. : Симферополь, 2010. – 255 с. – (Серия : Биобиблиография кримоведения; вып. 13)
5. Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Научный архив, рукописный отдел (ИИМК РАН НА РО), ф. 2, оп. 1 (1923 г.), д. 93, 21 л.
6. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1924 г.), д. 123, 16 л.
7. Бонч-Осмоловский Г. А. Доисторические культуры Крыма / Г. А. Бонч-Осмоловский // Крым. –1926. – № 2. – С. 74–94.
8. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1925 г.), д. 124, 19 л.
9. Бонч-Осмоловский Г. А. Палеолит Крыма: В 3-х вып. – М., Л. : Изд-во АН СССР: Вып. 1 : Грот Киик-Коба. – 1940. – 226 с.; Вып. 2 : Кисть ископаемого человека из грота Киик-Коба.– 1941.– 172 с.; Вып. 3 : Скелет стопы и голени ископаемого человека из грота Киик-Коба / Г. А. Бонч-Осмоловский; под ред. и доп. В. В. Бунака. – 1954. – 399 с.

10. Бунак В. В. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский (1890–1943) : биографические сведения и краткий очерк научной деятельности / В. В. Бунак // Палеолит Крыма / Под ред. и доп. В. В. Буняка. – Вып. 3 : Скелет стопы и голени ископаемого человека из грота Киик-Коба. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1954. – С. 388–393.
11. Бибииков С. Н. Глеб Анатольевич Бонч-Осмоловский / С. Н. Бибииков // Советская археология. – 1990. – № 1. – С. 277–283.
12. Гриневич К. Э. Возобновление раскопок в Херсонесе Таврическом: Корсуни – наших древних летописей / К. Э. Гриневич // Крым. – 1926. – № 2. – С. 195–196.
13. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1926 г.), д. 206, 5 л.
14. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1927 г.), д. 209, 68 л.
15. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1928 г.), д. 184, 52 л.
16. Кадеев В. И. К 75-летию К. Э. Гриневича / В. И. Кадеев // Советская археология. – 1967. – № 4. – С. 187–189.
17. Сорочан С. Б. Жизнь и гибель Херсонеса / С. Б. Сорочан, В. М. Зубарь, Л. В. Марченко. – Харьков: Майдан, 2001. – С. 42–45.
18. Марти Ю. Ю. Раскопки Керченской экспедиции 1928 года : предварительное сообщение / Ю. Ю. Марти // Крым. – 1929. – № 1 (9). – С. 5–13.
19. ИИМК РАН НА РО, ф. 2 (1929 г.), оп. 1, д. 155, 28 л.
20. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1925 г.), д. 181, 13 л.
21. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1926 г.), д. 179, 97 л.

В статті на підставі аналізу масиву наукових публікацій співробітників Державної академії історії матеріальної культури відтворюється активний дослідницький процес вивчення історії матеріальної культури та охорони пам'яток у Кримській АСРР у 20-тих рр. ХХ ст. Репрезентується оцінка наукової спадщини О. С. Башкірова, Г. А. Бонч-Осмоловського, І. М. Бороздіна, К. Е. Гриневича, Ю. Ю. Марти.

Ключові слова: Державна академія історії матеріальної культури, археологія, пам'ятки, О. С. Башкіров, Г. А. Бонч-Осмоловський, І. М. Бороздін, К. Е. Гриневич, Ю. Ю. Марти.

On the basis of the analysis of the array of scientific publications of the State Academy of History of Material Culture recreated active research process of studying the history of material culture and the protection of monuments in the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic in the 20-ies XX century. An assessment of the scientific heritage of A. S. Bashkirov, G. A. Bonch-Osmolovsky, I. N. Borozdin, K. E. Grinevitch, J. J. Marti.

Key words: State Academy of History of Material Culture, archeology, monuments, A. S. Bashkirov, G. A. Bonch-Osmolovsky, I. N. Borozdin, K. E. Grinevich , J. J. Marti.